

Восемь часов, которых не было: как экономика приватизирует жизнь

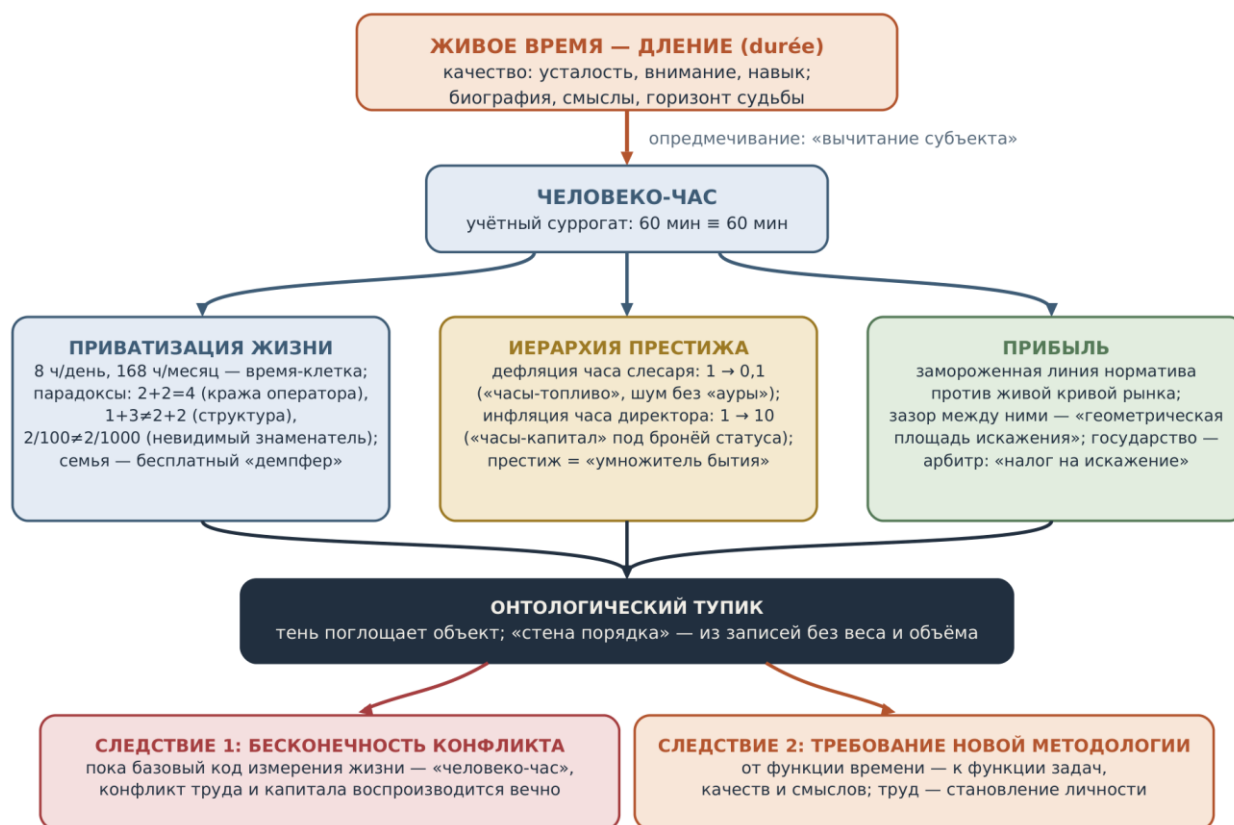
Владимир Лемех, к.э.н.
lemekh@antieconomy.com

Настоящий текст создан автором как агентом замысла. Искусственный интеллект использовался в качестве инструмента структурирования и визуализации материала

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена философско-экономическому анализу времени как объекта присвоения. Отправная точка размышлений – минуты у заводской проходной, где турникет работает как «антропологический фильтр», совершающий процедуру «вычитания субъекта»: живая бергсоновская длительность – усталость, внимание, биография, смыслы – превращается в учётный суррогат, человеко-час. Автор показывает, что эта операция есть не техническое удобство, а акт экзистенциальной приватизации жизни, и последовательно разбирает её измерения: «временной каннибализм» и «результат как дисфункцию» – бухгалтерский аутизм управления, театр присутствия, токсичную оптимизацию; арифметические парадоксы учёта – кражу оператора, поэтому $2 + 2 = 4$, некоммутативность структуры ($1 + 3 \neq 2 + 2$) и невидимость знаменателя ($2/100 \neq 2/1000$); экстернализацию издержек эксплуатации в семью, становящуюся бесплатным «демпфером»; кастовую иерархию престижных и непрестижных рабочих мест, где час одного человека терпит дефляцию, а час другого – инфляцию («организационная теория относительности»). Прибыль осмысливается как геометрическая площадь искажения – зазор между замороженной линией норматива и живой кривой рынка, – а государство как арбитр, легитимирующий это искажение «налогом на деформацию». Глубинный вывод фиксирует онтологический тупик: пока базовым кодом измерения жизни остаётся человеко-час, конфликт труда и капитала воспроизводится бесконечно; выход автор видит в радикально новой методологии описания труда – переходе от функции времени к функции задач, качеств и смыслов.

Ключевые слова: время; человеко-час; опредмечивание; длительность (*durée*); приватизация жизни; отчуждение; временной каннибализм; дисфункция; токсичная оптимизация; престиж; прибыль; налог; экономическая антропология; философия времени.

Открытый вопрос: возможна ли координация масштабированного мира без опредмечивания времени?

Рисунок 1 – Логическая карта статьи: от живого дления – к онтологическому тупику

*Нет ничего плохого в том, чтобы соорудить нечто
и понять, что оно не работает.*

Жак Фреско, инженер, промышленный дизайнер и футуролог

1. Опредмечивание времени

1.1. Антропологический фильтр

Минуты перед началом смены у заводской проходной – это время совершения ежедневного метафизического насилия. Турникет здесь функционирует как антропологический фильтр. В ту секунду, когда пластиковая карта касается считывателя, происходит процедура радикального «вычитания субъекта». Всё, что составляет избыточную, «шумную» человеческую сложность – остатки ночных снов, утренняя тревога, личные смыслы, уникальность биографии мгновенно отсекаются как балласт. Систему не интересует готовность к созиданию, ей не нужен «человек» – нужна координата: рабочая сила в точке входа в строго заданный момент.

С первым сигналом к началу работы механизм фиксирует активацию временного интервала. Это не начало труда как осмысленной деятельности, а включение административной геометрии. В этот миг хаотичные изгибы человеческой судьбы насильственно выпрямляются в жесткую, плоскую линию

рабочего графика. Это и есть точка предельного опредмечивания времени. Человек больше не принадлежит себе – он становится «временным контейнером», биологической оболочкой для абстрактного человеко-часа. Порог проходной – это граница, за которой живое дление жизни приносится в жертву мертвой метрике производства. Мы входим в зону «восьми часов, которых на самом деле не существует», где личность аннигилируется, оставляя вместо себя лишь цифровую тень в таблице рабочего времени. Таким образом, турникет – это гильотина субъективности, отделяющая человека от его собственного времени (рис.2).

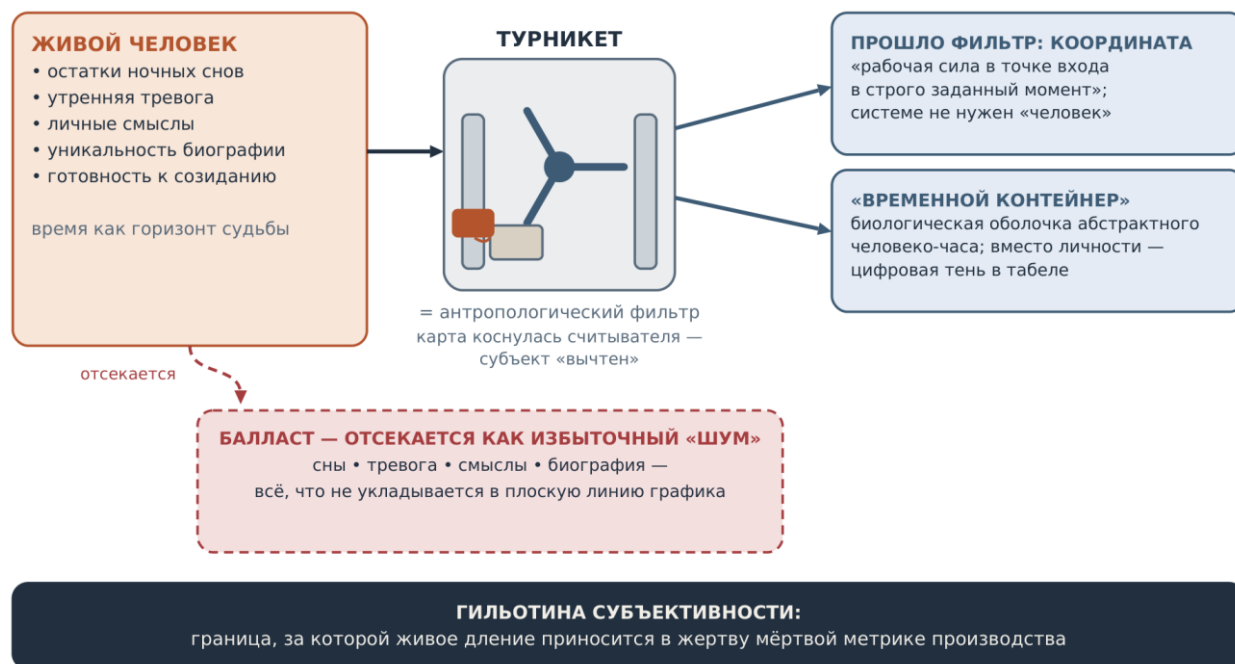

Рисунок 2 – Антропологический фильтр: турникет как граница «вычитания субъекта»

Философская традиция веками фиксировала неуловимость времени: от Августина с его «знаю, пока не спрашивают» до Бергсона с его «длением» (*durée*) как качественной непрерывностью. Гегель в «Философии природы» определял время как «наличное бытие становления» – не фон для событий, а само движение отрицания, где каждый момент несет в себе зародыш следующего. Гегелевское время неделимо, ибо оно есть живой процесс. Разрезать его – значит убить. Но производство совершает этот разрез систематически, превращая время из горизонта смысла в мертвую учетную категорию. Происходит операция девитализации: живое время жизни приносится в жертву времени технологической метрики.

1.2. Временной каннибализм

Время – единственный ресурс, который невозможно произвести, добыть или синтезировать. Оно дано как фундаментальная константа бытия. Именно эта «дарованность» делает его идеальным объектом для «тайм-майнинга» – извлечения ценности из самого факта существования. Элементарная операция

здесь – фиксация «человеко-часа». Это величайшая фикция индустриальной эпохи, акт математического насилия над реальностью. Учетная логика утверждает, что 60 минут жизни высококвалифицированного инженера и 60 минут жизни уборщицы эквивалентны как временные величины. Эта формальная эквивалентность – не досадная ошибка, а базовое функциональное свойство. Она позволяет строить агрегированные показатели: фонд рабочего времени, нормативы, трудоемкость.

Организационная структура предприятия – это схема циркуляции этих безличных, «обескровленных» единиц. Типовая роль работника описывается через требуемый поток человеко-часов. Рабочая сила здесь – не «труд как творческий акт», а потенциал, отчужденный в пользу системы и разложенный по временным координатам. Мы имеем дело с формой временного каннибализма: система поглощает часы жизни индивида, чтобы превратить их в импульсы капитала. Рабочее место становится узлом реализации этого отчуждения, где экономика регистрирует присутствие «временного контейнера», не интересуясь его внутренним содержанием. Системе достаточно знать, что контур замкнут: ресурс извлечен в установленные рамки.

Рисунок 3 – Контур «временного каннибализма»: часы жизни → импульсы капитала

1.3. Результат как дисфункция

Когда трудовая функция окончательно отделяется от живого результата, возникает состояние системной инверсии: не процесс служит результату, а результат становится случайным, побочным продуктом процесса «отсиживания». В этой логике производство превращается в «театр присутствия», где главной ценностью является демонстрация израсходованного ресурса.

Если деятельность определена исключительно через контур движения человеко-часов, управление впадает в состояние бухгалтерского аутизма. Это не просто ошибка менеджмента, это защитный механизм системы: она видит цифры освоения временного фонда, но абсолютно слепа к качественной деградации живого процесса. Для системы, оперирующей редуцированным кодом «время = затраты», идеальный отчет становится важнее физической реальности. Возникает галлюцинация контроля: пока стрелки на графиках

освоения фонда ползут вверх, руководство пребывает в иллюзии порядка, в то время как в «серой зоне» реальности происходит системный распад.

В условиях опредмеченного времени возникает функциональный фетишизм: поклонение самой процедуре выполнения. Если рабочее место описано как «нахождение в точке А в течение 8 часов», то работник начинает оптимизировать свое поведение под этот единственный измеряемый параметр. Результат — качественное изделие или решенная проблема начинает восприниматься как помеха, отвлекающая от основной задачи: «выгрузки» требуемого количества часов в систему учета.

Пример из производственной практики обнажает эту пропасть: на экране монитора в кабинете директора горит «зеленая зона» — план по трудоемкости выполнен на 98%, простои отсутствуют, графики загрузки персонала безупречны. С точки зрения алгоритмов планирования — цех превратился в идеальный швейцарский механизм. Но стоит выйти из офиса на производственную площадку, как «цифровой триумф» оборачивается физическим хаосом, потому что в жестком графике «намотки часов» не предусмотрено время на разбор ошибок. Самое пугающее — это состояние людей. Это механический сомнамбулизм: рабочие совершают идеально выверенные, ритмичные движения, имитируя бурную деятельность перед камерами и мастерами. Но это имитация, направленная не на созидание, а на «заполнение временного контейнера». Это и есть скрытый онтологический саботаж: тихая, холодная война человека против системы, которая видит в нем лишь батарейку. Люди сознательно дозируют свою энергию и внимание до того абсолютного минимума, который необходим лишь для того, чтобы СКУД (система контроля и управления доступом) на выходе «засчитал» смену.

Рисунок 4 – Галлюцинация контроля: «зелёная зона» отчёта против «серой зоны» реальности

Система принципиально не способна зафиксировать эту дисфункцию, потому что её метрика настроена на «прокачку» времени, а не на «преобразование материи». Это симулякр труда: колоссальное количество человеческой энергии расходуется, миллиарды секунд сгорают в топке производства, но энтропия системы только растет. Внутри учетного контейнера происходит термическая смерть смысла: когда форма (час) полностью поглощает содержание (творческий акт), результат перестает быть целью и превращается в досадный остаток процесса.

«Результат как дисфункция» порождает стратегию токсичной оптимизации. Менеджмент, видя только «пустые» человеко-часы, пытается сократить их, не понимая качественной структуры времени. Типичный пример такой арифметической иллюзии: плановое время на сложную техническую операцию составляет 4 часа. Менеджмент, стремясь к показателям «бережливости», директивно сокращает норматив до 3,5 часов. С точки зрения учета – это триумф, рост эффективности на 12,5%, зафиксированный в таблицах. С точки зрения живой реальности – это скрытая диверсия. Дело в том, что эти «лишние» 30 минут никогда не были праздностью. Они представляли собой время когнитивного входа, преодоление инерции покоя, восстановление навыка и настройку, которая соединяет знания мастера с материей изделия. Насильственно отрезая этот период подготовки, система заставляет работника входить в процесс «на холодную», без необходимого «разогрева» контекста. Результат закономерен: оставшиеся три часа превращаются в лихорадочную борьбу с нарастающими ошибками, рост процента брака и накопление глубокой психологической усталости. Система «сэкономила» полчаса в отчете, но детонировала цепочку долгосрочных системных сбоев в реальности. Это и есть высшая точка дисфункции – когда отчетность сияет эффективностью на фоне тлеющего и деградирующего производства. Оптимизация здесь превращается в самоцель, пожирающую будущее ради красивой цифры в настоящем.

Плановый норматив: 4 часа на сложную операцию

Рисунок 5 – Токсичная оптимизация: сокращение норматива с 4 до 3,5 часа

В современной экономике происходит фундаментальный сдвиг: попытка заменить человеческий «фактор ошибки» ИИ-агентами. На первый взгляд кажется, что это решает проблему дисфункции. На деле – система лишь меняет носителя, окончательно ослепляя контроль. Работник является носителем дисфункции структурно. Его сопротивление, усталость и «не тот день» – это формы телесного знания о том, что процесс идет не так. Дисфункция здесь видна как несовпадение между формально выгруженными часами и реальным физическим износом. ИИ-агент лишен этой сигнальной системы. У него нет функции в человеческом смысле как контура, сопряженного с риском усталости. Он не «присутствует» 8 часов; он активируется по триггеру. У него нет биографии, в которую время встроено как горизонт смысла. Следовательно, у ИИ-агента нет дисфункции как «несовпадения» – есть только выход, который система автоматически интерпретирует как успех. Но именно здесь дисфункция становится абсолютной.

Внедрение ИИ не освобождает человека, а создает новое расслоение внутри системы опредмеченного времени:

1. **Уровень ИИ-агентов:** чистое опредмечивание без остатка. Времени как биографии нет, есть только бесконечный поток транзакций.
2. **Уровень «интерфейсных» работников:** люди, чья функция теперь – не преобразование материи, а сопряжение с ИИ-агентами. Здесь дисфункция маскируется под «некорректный запрос» или «ошибку промпта». Ответственность за системный сбой лежит на человеке, но право на управление ритмом у него отобрано алгоритмом.
3. **Уровень «стратегических» интерпретаторов:** те, кто определяет, что считать «успехом». На этом уровне дисфункция невозможна по определению, так как этот слой обладает монополией на интерпретацию реальности.

НОВОЕ РАССЛОЕНИЕ ОПРЕДЕМЧЕННОГО ВРЕМЕНИ

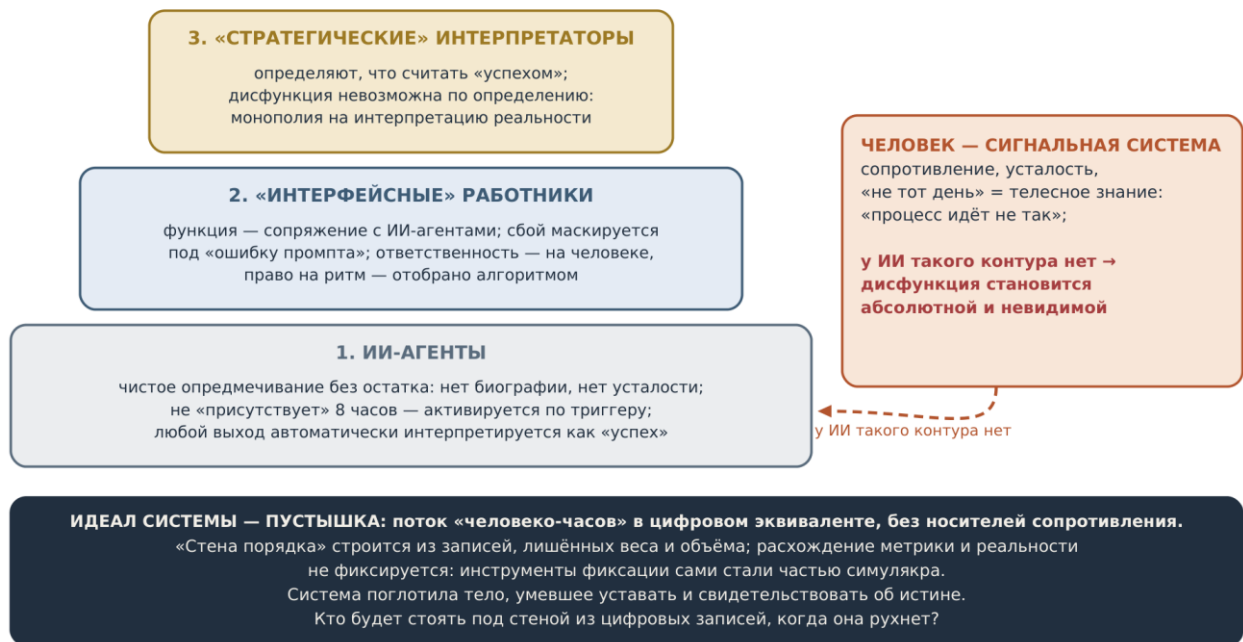

Рисунок 6 – Расслоение эпохи ИИ: три уровня опредмеченного времени

ИИ позволяет системе приблизиться к идеалу: поток «человеко-часов» (теперь уже в их цифровом эквиваленте) без носителей сопротивления. Но этот идеал – пустышка. Работник, приносящий кирпич в «стену порядка», хотя бы знал, что он делает. ИИ-агент не знает и не может знать. Стена теперь строится в пространстве чистых записей, лишённых веса и объёма. Дисфункция возвращается на мета-уровне: как чудовищное расхождение между безупречной метрикой и пустой реальностью. Это расхождение невозможно зафиксировать, потому что инструменты фиксации сами стали частью этого цифрового симулякра. Система поглотила последний остаток реальности – человеческое тело, которое умело уставать и тем самым свидетельствовать об истине. Вопрос лишь в том, кто будет стоять под этой стеной из цифровых записей, когда она неизбежно рухнет под грузом собственной невидимой дисфункции.

1.4. Темпоральные конструкты экономики

Опредмечивание порождает производные категории, которые воспринимаются как естественные законы природы, хотя являются продуктами искусственной калькуляции. Это инструменты колонизации будущего:

- 1. Кредитный период** – это не время в его феноменологическом смысле, а насильственное изъятие еще не прожитого будущего в настоящее. Долг – это не просто отсутствие денег, это отсутствие времени, которое еще только должно быть произведено и прожито.
- 2. Дисконтирование времени** – иллюзия математической объективности. Предположение, что «будущий час» менее ценен, чем «настоящий», – это не расчет, а произвольное соглашение о распределении рисков, маскирующее темпоральный империализм. Дисконтирование оперирует не временем, а его тенью в таблице договора.

3. Процентная ставка – искусственный акселератор. Она формализует требование вернуть изъятое время с приращением, которое не связано ни с каким естественным ритмом. В лесу дерево растет столько, сколько ему положено природой. В экономике «дерево» обязано расти со скоростью процентной ставки, создавая неустрашимый разрыв между биологическим и экономическим ритмами жизни.

Все эти конструкты функционируют только внутри герметичного пространства опредмечивания. Вне экономического контура они рассыпаются: невозможен «процент» в отношениях матери и ребенка, «дисконтирование» в моменте озарения или «кредитный период» в акте дружбы.

Рисунок 7 – Темпоральные конструкты экономики внутри герметичного контура опредмечивания

1.5. Сущное и его тень

Произошла финальная инверсия: живая длительность, наполненная качеством — усталостью, вниманием, навыком, триумфом или разочарованием вытеснена своим учетным двойником. Присутствие в мире было заменено присутствием тела в точке пространства между отметками «вход» и «выход».

Экономика стала доминантой жизни не потому, что она объяснила время, а потому, что она упростила его до степени абсолютной управляемости. Уздечка надета на призрак: система управляет не временем, а его цифровой тенью, и эта тень постепенно поглощает объект. Рабочий, проходящий через турникет, еще несет в себе неопредмеченное время — время как горизонт своей судьбы. Но система не может принять его в такой сложности. Она обязана трансформировать его в человеко-час, иначе он останется невидимым и неуправляемым. Это «диктатура хронометра», которая кажется естественной, как гравитация, на деле является глубоко искусственным аппаратом принуждения. Процесс этой трансформации происходит незаметно, и в этом

его главная сила. Вопрос, который стоит перед нами: какая часть человеческой сущности безвозвратно теряется в этой мясорубке упрощения? Возможна ли вообще координация масштабированного мира без этой ужасающей онтологической цены? Пока ответа нет, мы продолжаем жить в восьми часах, которых на самом деле никогда не существовало в ткани живой реальности.

Система управляет не временем, а его цифровой тенью, и эта тень постепенно поглощает объект.

2. Приватизация жизни

2.1. Операция присвоения

Сменный график, утвержденный в недрах отдела организации труда, – это не просто расписание, а акт экзистенциальной приватизации. Когда система фиксирует «8 часов в день, 168 часов в месяц», она совершает операцию, выходящую далеко за рамки трудового права. Она переводит время из разряда личного горизонта биографии в разряд отчуждаемого ресурса.

Формула «часы × ставка» создает иллюзию честного обмена эквивалентов. Но время по своей природе не может быть товаром: его нельзя отложить на склад, передать другому или накопить в сейфе. То, что фактически изымается у человека, – это не «время как таковое», а право на суверенную организацию своей деятельности. Работник сохраняет биологическое время (он продолжает дышать и стареть), но утрачивает время экзистенциальное – время как способ самоопределения через последовательность собственных актов.

Приватизация чел-часа – это не владение телом, это эксклюзивное закрепление права на определение структуры присутствия. Наниматель владеет учетной категорией, которая вытесняет живое время из сферы значимого. Контур смены задан извне и априори, независимо от того, требует ли работа такой длительности. Это время-клетка: человек находится внутри интервала не потому, что он созидает, а потому, что его присутствие уже приватизировано и оплачено как «готовность к эксплуатации».

2.2. Парадокс « $2 + 2 = 4$ »: кража оператора

Арифметическое равенство $2+2=4$ – идеальный инструмент редукции смысла. В бухгалтерском учете фокус всегда на результате (числе 4). Но в живой реальности между «двойками» стоит оператор «плюс» – и именно в нем скрыта вся тайна труда. Этот оператор – качественное измерение времени: то, как именно элементы соединяются, преобразуются и во что они выливаются.

Экономика труда совершает кражу оператора. Фиксируя «2 часа отработано + 2 часа отработано = 4 человеко-часа», она ведет себя так, словно процесса связывания не существует. Но фактор времени проявляется не в цифре, а в изменении состояния системы и человека.

Пример: Два часа на наладку станка и два часа на серийную обработку – это не «4 часа». Первые два часа – это «вход в контекст», когнитивный разогрев, восстановление навыка, преодоление инерции покоя. Вторые два часа – рутинный автопилот. Суммарная цифра «4» стирает эту разницу, превращая

живое становление мастера в плоскую статистическую величину. Оптимизатор, видящий только «4», в следующий раз решит сократить время до 3,5, не понимая, что он отрезает не «лишние минуты», а критически важный оператор качественного перехода. Это арифметическая слепота, превращающая производство в механическое сложение пустот.

Рисунок 8 – Парадокс « $2 + 2 = 4$ »: кража оператора «плюс»

2.3. Парадокс структуры: $1+3 \neq 2+2$

В школьной математике порядок слагаемых не меняет сумму. В экономике человеко-часов это превращается в догму: «1 час сложной задачи + 3 часа рутины» эквивалентны «2 часам рутины + 2 часам сложной задачи». Но в живом времени коммутативность не работает. Структура времени – это носитель системного качества. Если работник выполняет сложную аналитическую задачу в первый час, на «свежую голову», – он создает продукт одного качества. Если же та же задача ставится ему после двух часов «выгорания» на бессмысленных совещаниях, в состоянии информационного шума и ментальной усталости – это будет совершенно другой продукт, несмотря на те же «4 часа» в таблице рабочего времени.

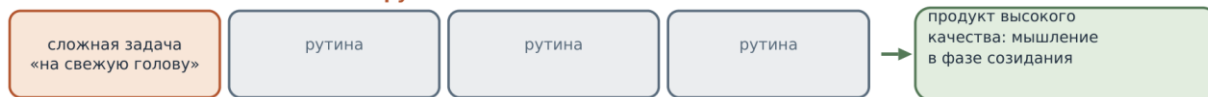
Социология времени выделяет три параметра, которые учет игнорирует:

1. **Синхронизация** – резонанс действий;
2. **Последовательность** – критический порядок шагов;
3. **Темп** – интенсивность проживания момента.

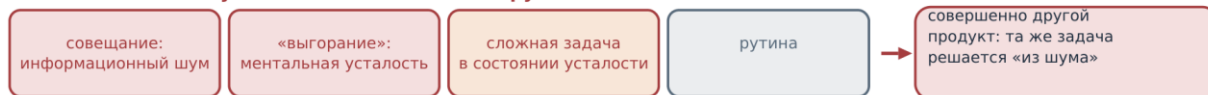
В системном подходе структура – это всё. Но в расчете человеко-часов все эти параметры «схлопываются». Мы получаем парадокс структуры: в реальности это две разные истории с разным уровнем энтропии, в отчетах – идентичные «32 человеко-часа» на бригаду. Планирование, опирающееся на такую «арифметику», глубоко порочно: оно пытается управлять будущим, используя код, который не видит разницы между созидательным ритмом и авральной дезинтеграцией.

Одни и те же «4 часа» — две разные истории с разным уровнем энтропии

ВАРИАНТ А — 1 ч сложности + 3 ч рутины

ВАРИАНТ В — 2 ч шума + 1 ч сложности + 1 ч рутины

В таблице — идентичные «4 часа»; в отчёте — те же «32 человеко-часа» на бригаду

Три параметра социологии времени, которые учёт «схлопывает»:

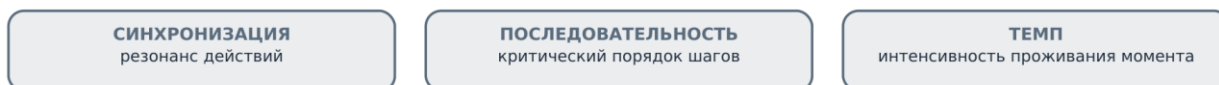

Рисунок 9 – Парадокс структуры: $1 + 3 \neq 2 + 2$

2.4. Парадокс невидимого: $2/100 \neq 2/1000$

Для учетной системы предприятия числитель — это всё, что «видно». Она фиксирует: «затрачено 2 часа», «решено 2 задачи». Но знаменатель — контекст сложности — остается невидимым полем:

2 часа из 100 возможных типовых операций — это предсказуемая рутина.

2 часа из 1000 возможных конфигураций в сложной, неопределенной системе — это уникальное вмешательство, требующее сверхвысокой квалификации и экспозиции риска.

Для системы «2» — это измеряемый факт, а контекст (100 или 1000) — это «белый шум», который порождает ситуацию, когда уникальная аналитическая интервенция инженера и два часа нажатия кнопок оператором приравниваются друг к другу. Система не видит цену входа в сложность.

Пример: Два инженера потратили по 2 часа на решение проблемы. Первый работал в замкнутом множестве стандартных поломок. Вторым — в открытой системе, где каждая секунда требовала анализа сотен переменных. Учет регистрирует идентичность. Но «2 часа» второго инженера — это работа в зоне высокой неопределенности, требующая огромного резерва компетенций. Не видя знаменателя, система недооценивает сложность и переоценивает рутину, что в конечном итоге ведет к деградации интеллектуального капитала.

Рисунок 10 – Парадокс невидимого: $2/100 \neq 2/1000$

2.5. Приватизация семьи

Приватизация времени на предприятии достигает своего апогея там, где она начинает диктовать условия жизни за пределами проходной. Выявленные парадоксы учета не останавливаются на пороге цеха — они работают как инструмент экстернализации (вытеснения) всего человеческого, что не вписывается в формулу прибыли.

В реальности работник — это неделимая биологическая и социальная единица. Его уравнение жизни: «2 часа труда + 2 часа на содержание нетрудоспособных членов семьи (детей, стариков) = 4 часа жизненного напряжения». Предприятие работает исключительно с «трудовой функцией». Фактор семьи для него — это «информационный шум» и избыточная нагрузка. Система совершает акт символического сиротства: она изымает оператор «плюс» (заботу, воспитание, быт), делая его невидимым. Семья финансируется и обеспечивается по остаточному принципу — только в той мере, в какой это необходимо для возвращения «трудовой функции» в строй на следующее утро.

Структура времени «рабочее + свободное» образует целостную конструкцию человеческой жизни. Однако для формата предприятия «свободное время» не является объективной реальностью. Оно неуправляемо, а значит — избыточно и подозрительно. Система признает свободное время лишь как «время технического обслуживания ресурса». Сон, еда и отдых работника воспринимаются как сервисное обслуживание станка, которое работник обязан проводить за свой счет. Здесь кроется самый существенный фактор приватизации: наниматель приватизирует лучшие, продуктивные часы жизни, а «отходы» производства (усталость, эмоциональное выгорание, болезни) сбрасывает в пространство семьи. Семья превращается в бесплатный «демпфер», поглощающий последствия трудовой эксплуатации.

Наниматель приватизирует лучшие, продуктивные часы жизни, а «отходы» производства (усталость, эмоциональное выгорание, болезни) сбрасывает в пространство семьи.

Учетная единица «1 человеко-час» игнорирует экзистенциальный знаменатель:

- час труда отца-одиночки, за спиной которого трое детей (знаменатель – 4);
- час труда молодого холостяка (знаменатель – 1).

«Плотность» и «риск» этого часа для первого и второго несопоставимы. Система ослеплена своим кодом: она видит числитель («2 часа работы»), но не видит, что за этим числителем стоит разная степень ответственности и разная цена ошибки.

Приватизация времени приводит к тому, что семья и личное развитие превращаются в «сдачу» с основной сделки. Предприятие забирает «золотой фонд» времени, оставляя человеку лишь фрагменты, непригодные для глубокого созидания. Семья лишается не просто денег, она лишается качественного присутствия человека, чья структура времени уже разрушена «арифметической слепотой» производства.

Приватизация завершена тогда, когда семья начинает восприниматься самим работником как досадная помеха его «эффективности» в табеле. Таким образом, человеко-час – это не просто единица труда, это инструмент, с помощью которого экономик отрезает человека от его социальной природы, оставляя один на один с приватизированным циферблатом.

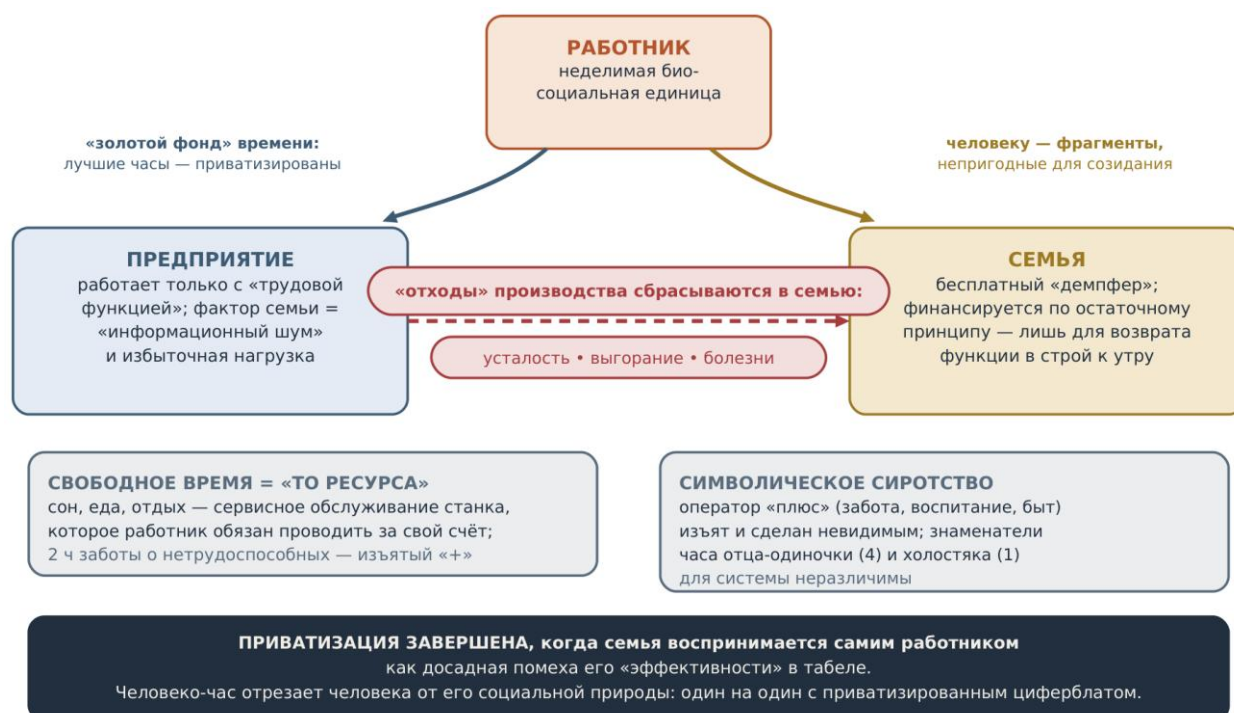

Рисунок 11 – Приватизация семьи: «золотой фонд» – предприятию, «отходы» – демпферу

2.6. Сумма парадоксов

Приватизация жизни завершается не в приказе директора, а в голове работника. Все перечисленные парадоксы – операции по замещению реальности её схемой приводят к тому, что субъект начинает мыслить себя в категориях учета: «отработал смену», «недосидел час», «переработка пойдет в счет отгула». Это финальная стадия колонизации сознания. Человек перестает воспринимать свой труд как становление или творческий акт, он начинает видеть в нем «выгрузку часов» в обмен на выживание. Живое «длание» уходит в бессознательное, становится невысказываемым.

Приватизация жизни – это неизбежная плата за масштаб. Чтобы координировать тысячи людей, экономика обязана их упростить, превратить в предсказуемые официальные кванты энергии. Вопрос остается открытым: можно ли построить архитектуру производства, которая бы координировала сложность, не убивая при этом качество времени? Или любая попытка «масштабирования» обречена на превращение людей в приватизированные тени в таблице? Пока мы лишь фиксируем: 8 часов труда – это сумма парадоксов, скрывающая за собой пустоту приватизированного бытия.

3. Престижные и непрестижные рабочие места

3.1. Непрестижное место как дефляция человека-часа

Слесарь-сантехник на заводе присутствует в контуре отчуждения 60 минут. Бухгалтерия видит «1 человеко-час», но управленческая реальность производит операцию радикальной дефляции. В калькуляции значимости, в фокусе внимания системы этот час сжимается до 10 минут реального «смысла». Это состояние темпоральной нищеты. Непрестижное рабочее место – это позиция, где время работника воспринимается как «сырье», лишенное качественной защиты. Его можно фрагментировать рутиной, прервать внезапным вызовом, удлинить без предупреждения. Система не испытывает морального или операционного дискомфорта, «сжигая» эти часы, потому что учетный код видит в них лишь возобновляемый, дешевый ресурс. Здесь происходит анонимизация жизни: час слесаря отделен от его тела, усталости и биографии. Он становится носителем «голой» учетной единицы. Это время без «ауры» – его можно тратить, не ведя реестра износа человеческого существа. В иерархии смыслов этот час – лишь «шум» в системе, необходимый, но лишенный субъектности.

3.2. Престижное место как инфляция человека-часа

Директор по производству присутствует в том контуре примитивизации те же 60 минут. Но в символической экономике предприятия происходит темпоральный взрыв. Его час подвергается чудовищной инфляции веса: любая минута совещания, любая подпись, само его молчаливое присутствие в кадре наделяется многократной ценностью.

Престиж в данном контексте – это не награда за ум или опыт, а механизм присвоения повышенного веса времени. Это «растянутый» час. Система выстраивает вокруг него фортификационные сооружения: личный секретарь,

протоколы доступа, право делегировать «вниз». Если отсутствие слесаря – это статистическая погрешность, то отсутствие директора – это «дефицит ресурса». Физически это те же 3600 секунд. Но в иерархии власти этот час эквивалентен 10 часам «влияния». Мы имеем дело с организационной теорией относительности: чем выше статус, тем сильнее искривляется время, превращая мгновение в событие, а присутствие – в стратегический актив.

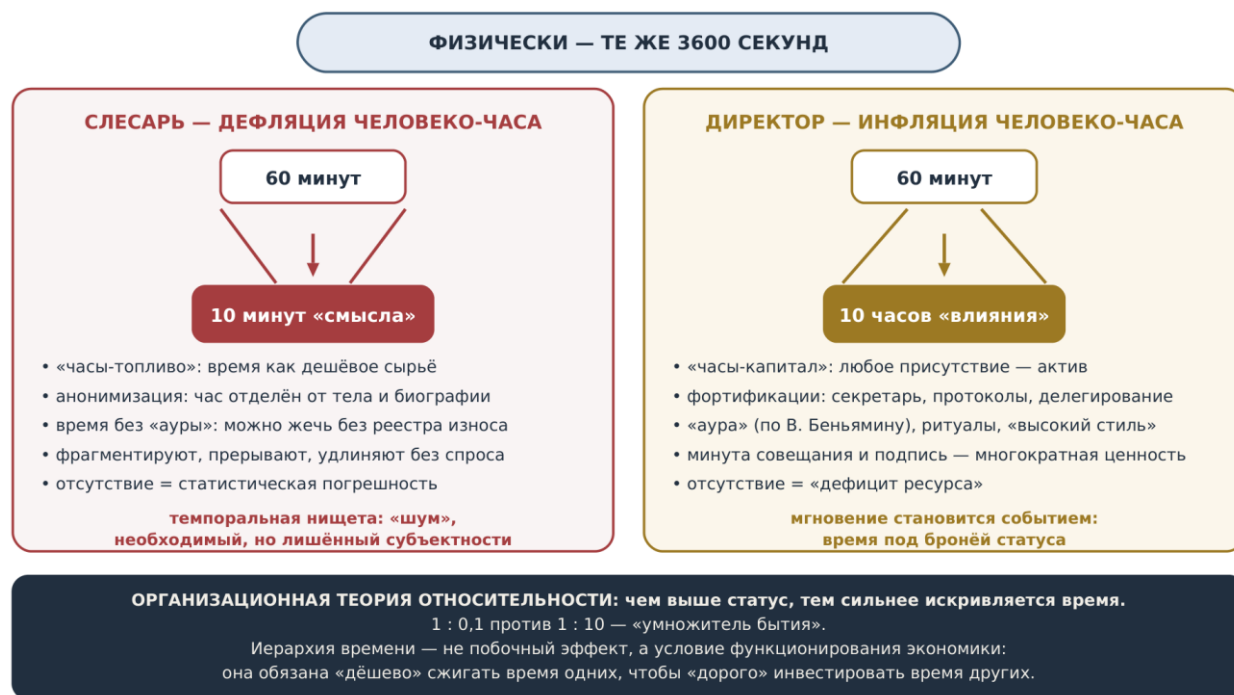

Рисунок 12 – Организационная теория относительности: дефляция и инфляция человеко-часа

3.3. Утопия эквивалентности

Представим «онтологический мятеж»: мир, где физический час равен бухгалтерскому часу для всех без исключения. 60 минут директора = 60 минут стажера. Одинаковая защита от вторжения, одинаковое право на отказ от внепланового шума, одинаковая когнитивная нагрузка. В ту же секунду масштабированное производство прекратит существование. Почему? Потому что иерархия времени – это не побочный эффект, а фундаментальное условие функционирования экономики. Система живет за счет разности потенциалов: она обязана «дешево» сжигать время одних, чтобы «дорого» инвестировать время других.

Неравенство в организации труда – это прежде всего неравенство статуса времени. Иерархия бинарна: есть «часы-топливо», которые нужно тратить, и есть «часы-капитал», которые нужно защищать. Пока человек находится на территории предприятия, его время ему не принадлежит – оно включено в глобальную машину сжатия и растяжения смыслов.

3.4. Конструирование престижа

Престиж не рождается из природы труда; он технологичен. Это искусственный каркас, собранный из:

- управленческой исключительности: права определять будущее системы;
- символического капитала: кабинеты из дуба, тишина коридоров, регалии – всё это «утяжелители» времени;
- денежной подпитки: ставки и бонусы, которые легитимируют разницу в цене жизни.

Престижная позиция – это «умножитель бытия». Она обосновывает, почему часы одних людей «дороже» других, и делает это неравенство социально приемлемым. Система решает, чье время будет масштабироваться (1:10), а чье – аннигилироваться (1:0,1). Это не описание реальности, это сама операция управления реальностью.

3.5. Символическая завеса

Система прячет свои шрамы за терминами: «уровень ответственности», «глубина компетенций», «ключевые позиции». Это слова-ширмы. Фраза «мы не можем отвлекать лидера на мелочи» постулирует: время лидера качественно иное. Оно обладает «аурой» (по Вальтеру Беньямину), в то время как время рабочего – это «товар массового потребления». Престижные места украшены ритуалами: совещания высокого уровня, миссии, стратегии. Это создает иллюзию, что наверху время течет в «высоком стиле». Непрестижные места лишены этой ауры – там время голое, механическое, календарное. Там не говорят о смысле, там говорят о сменах. Престиж – это завеса, превращающая эксплуатацию времени в «служение великой цели».

В конечном итоге, вся современная рациональность – это лишь слепок с существующей системы власти над временем. Ресурсы, бюджеты, компетенции – это инструменты, поддерживающие молчаливое допущение: человеческие жизни имеют разный вес в зависимости от их положения в учетной таблице. Вопрос «что такое 8 часов труда?» не имеет смысла без уточнения: «для кого?»: для одного – это 8 блоков «расходуемого шума», подлежащего уплотнению; для другого – это 8 единиц «светового времени» влияния, защищенного броней статуса.

Оптимизация, не рефлексирующая эту асимметрию, лишь укрепляет кастовую систему времени. Пока мы не назовем вещи своими именами, экономика будет продолжать играть в «объективные числа», скрывая за ними теневую таблицу рангов, где время человеческой жизни заранее взвешено и признано неравным.

4. Прибыль

4.1. Юридическая форма отчуждения

Сменный график, зафиксированный приказом по предприятию, – это не просто расписание, это протокол передачи прав собственности на бытие. Нормальная продолжительность – 40 часов, лимиты сверхурочных – не более 4

часов. Эти цифры не являются предметом торга или следствием рыночной стихии. Это юридически закреплённый контур, жесткая матрица, в которую собственник входит как в уже подготовленное пространство.

Отчуждение времени – это не произвол собственника, а государственно гарантированный процесс. Оно зацементировано в трудовом кодексе, в регламентах охраны труда и пенсионных схемах. Собственник не покупает «время» в его живом, пульсирующем виде – он покупает право на использование уже нормированного, препарированного ресурса. «Норма», «сверхурочная», «стаж» – это заранее сконструированные юридические лекала времени. Они существуют еще до того, как работник и наниматель увидят друг друга, превращая живое дыхание жизни в сухую учетную категорию в момент подписания любого контракта.

Профит возникает не в вакууме, а на поле «временной разделки», где человеческая жизнь уже превращена в измеримый, делимый и безликий объект. В этой схеме собственник – не архитектор первичного насилия над временем, он его главный бенефициар, получающий дивиденды с системы, которая заранее лишила время его экзистенциальной глубины.

4.2. Календарь как фактор упрощения

Календарь с его кварталами, месяцами и отчетными периодами – это ритмический скелет бизнеса. Он задает темп, в котором жизнь должна превращаться в цифры. Нормы рабочего времени создают стандарт «продаваемого дня», превращая солнечный цикл в расчетную единицу. Время человека заранее разложено по ячейкам: инкубация (детство), подготовка (учеба), эксплуатация (трудоспособный возраст) и утилизация (пенсия). Каждая ячейка имеет свою «экономическую прошивку», свои коэффициенты и ставки. Прибыль рождается там, где эта заранее нормированная структура позволяет закупать отрезки человеческой жизни оптом и перепродавать результат в розницу. Корень неравенства – в среде, которая мыслит время как разрезанный и оцененный ресурс. Собственник не создал эту логику, он лишь наложил сетку рентабельности на уже фрагментированную реальность.

Рисунок 13 – Календарные ячейки жизни: от инкубации до утилизации

4.3. Профит как продукт системной деформации

Если представить процесс производства в виде графика, мы увидим столкновение двух разнородных природ.

Первая природа – внутренняя матрица (условная константа). Это жесткая горизонтальная линия, прочерченная человеко-часами. Она лимитирована физикой рабочего дня и количеством вовлеченных тел. Это мир «суррогатного времени» – предсказуемый, линейный, искусственно упрощенный и соподчиненный. Здесь всё стремится к статике: норма выработки, фонд времени, ставка, численность работников.

Вторая природа – рыночный флюс (переменная). Это импульсивная, переменная, во многом случайная кривая. Она движется рывками, подчиняясь хаосу спроса, трендам и котировкам. Рынок живет в режиме «настоящего времени», он не знает графиков и смен.

Между этой жесткой сеткой человеко-часов и текучей кривой рынка неизбежно возникает дистанция – системный зазор: когда рыночная кривая взлетает выше линии затраченного «суррогатного времени», возникает прибыль; когда она падает – убыток.

Таким образом, прибыль – это не просто бухгалтерская проводка и не «заслуга менеджмента». Это площадь пересечения двух множеств, одно из которых было намеренно и искусственно заморожено в категории человеко-часа. Прибыль есть результат тотальной деформации и упрощения человеческой сущности: система выигрывает на том, что «запирает» живого человека в статичную клетку норматива, пока внешняя цена его усилий колеблется на свободе. Чтобы стать бенефициаром этого процесса, нужно сначала лишить труд его естественной вариативности, превратив его в послушную константу.

Рисунок 14 – Прибыль как геометрическая площадь искажения и замкнутый цикл выгоды

В этой схеме государство выступает не просто регулятором, а высшим арбитром, легитимирующим искажение времени. Поскольку зазор между «мертвым» человеко-часом и «живым» рынком объективен и неизбежен, государство накладывает на него свой безусловный штраф – налог. Налог на прибыль – это, по сути, доля, которую государство забирает за право эксплуатации этой деформации. Если прибыль – это «искажение» реальности, возникшее из-за редукции человека к функции, то налог – это плата за поддержание правового поля, в котором такая редукция возможна.

Получается замкнутый цикл выгоды:

1. Бенефициар (собственник) выигрывает на разнице между зафиксированной ценой упрощенного времени (зарплатой) и рыночной стоимостью результата.
2. Государство получает процент с этого «расстояния», конвертируя онтологическое упрощение граждан в бюджетные поступления.

Упрощенное время, упакованное в суррогат «человеко-часа», оказывается выгодно всем, кроме самого источника рабочей силы – человека. Его жизнь превращена в плоскую платформу, на которой надстраивается пирамида прибыли и налогов. Система не заинтересована в «возвращении качества времени», потому что любая сложность, любая вариативность труда уничтожит ту самую статичную базу, на которой зиждется возможность извлечения прибыли и налогов.

5. Глубинный вывод

Чтобы сделать труд управляемым и измеримым, система совершает первичный разрез: она разламывает живую человеческую деятельность на фрагменты. Творческое становление превращается в «человеко-часы», «норму смены» и «трудовую функцию», оторванную от живого содержания. Это жесткое требование масштаба: сложную, многомерную сущность человека необходимо упростить до примитивного кванта, иначе её нельзя ни планировать, ни калькулировать, ни контролировать. В этом акте «хирургического» упрощения жизненный труд мутирует в учетный, а живое время становится опредмеченным суррогатом.

Экономический смысл этого разреза – в создании системного «зазора». Прибыль не является просто разницей между ценой и себестоимостью; это геометрическая площадь искажения. С одной стороны – искусственно замороженная, статичная линия человеко-часов (внутренняя матрица предприятия), с другой – импульсивная, живая кривая рыночных трендов. Бенефициары системы извлекают доход из этого разрыва: они фиксируют затраты через упрощение человеческой сущности, пока внешняя стоимость результата свободно колеблется. Государство же выступает легитимирующим соучастником, накладывая «налог на искажение» и закрепляя правомерность превращения жизни в суррогатный ресурс.

Прибыль не является просто разницей между ценой и себестоимостью; это геометрическая площадь искажения.

Приватизация времени – это каннибализм в отношении семьи и личного будущего. Человеко-час как универсальный код делает невидимыми «знаменатели» ответственности и «операторы» заботы. Система изымает лучшие часы жизни, экстернализируя (выбрасывая) усталость, выгорание и эмоциональный долг в пространство семьи, которая вынуждена финансировать восстановление работника по остаточному принципу. Человек превращается в «остаточную величину», чье свободное время признается лишь как период технического обслуживания рабочей силы.

Любое серьезное антикризисное решение – это интуитивный протест против этой стерильности. Введение понятий компетенций, матриц задач или психологического благополучия – это попытка вернуть в расчет то, что было ампутировано индустриальной логикой. Это стремление приблизиться к исходному положению вещей, где время – это процесс, а труд – становление личности. Но пока ядро системы – человеко-час и фонд рабочего времени остается неприкосновенным, любое усложнение будет лишь декоративной надстройкой над «старой» логикой упрощения.

Два следствия экономической реальности:

1. **Бесконечность конфликта.** Пока базовым кодом измерения жизни остается «человеко-час», любой конфликт труда и капитала будет воспроизводиться вечно. Можно менять законы и зарплаты, но это лишь борьба внутри плоской, безжизненной системы. Конфликт заложен в самой метрике человека-часа.
2. **Требование новой методологии.** Единственная верная стратегия – радикальный уход от чисто временной функции к функции задач, качеств и смыслов. Нужна иная методика описания труда, где время не сводится к календарю, а трудовая деятельность перестает быть инструментом фрагментации и обесценивания человеческой сущности.

Вопрос остается открытым: возможна ли координация масштабированного производства без опредмечивания времени? Или упрощение человека – это неизбежная и фатальная плата за сложность созданной им системы? Онтологический тупик экономической модели постулирует задачу следующего этапа: разработку методики, способной вернуть времени его истинное, живое дыхание, а человеку – право на целостность его бытия.

Рисунок 15 – Два следствия экономической реальности и открытый вопрос

Список литературы

1. Гегель, Г. В. Ф. Наука логики / Г. В. Ф. Гегель; перевод с немецкого Б. Г. Столпнера. — Москва: Мысль, 1998. — 1072 с. — (Классическая философская мысль). — ISBN 5-244-00910-5.
2. Сорока, Э. М. Золотое сечение, процессы самоорганизации и эволюции систем: введение в системную антропологию / Э. М. Сорока. — Изд. 2-е. — Москва: Либроком, 2012. — 264 с. — ISBN 978-5-397-02434-1.
3. Бергсон, А. Опыт о непосредственных данных сознания / А. Бергсон; перевод с французского Б. Ю. Виппера. — Москва: Московская философская школа, 2010. — 320 с. — ISBN 978-5-91218-011-8.
4. Роза, Х. Ускорение. Изменение временных структур в современную эпоху / Х. Роза; перевод с немецкого А. К. Суловой. — Москва: Новое литературное обозрение, 2021. — 584 с. — ISBN 978-5-4448-1543-4.